

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВАРВАРСКИЕ ГОСУДАРСТВА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ (VI—IX вв.)

§ 1

Роль варваров в создании средневековой Европы. Происхождение и этнический состав варваров, вторгавшихся в Римскую империю. Кельты, германцы, славяне, сарматы, гунны. Их занятия, образ жизни, быт и нравы. Социальный строй варваров: род, племя, племенной союз. Зародыши классового расслоения. Духовная культура варварского мира.

Прогнившее здание мировой римской державы рухнуло под ударами варваров, поддержанных изнутри революцией рабов. При этом было разрушено много производительных сил, подорванных, впрочем, уже в предшествующую эпоху хищнического хозяйничанья римских рабовладельцев; античная культура в основном погибла. Но этой ценой была завоевана возможность дальнейшего прогрессивного развития Европы.

Исходным пунктом этого развития явились, с одной стороны, зародыши феодальных отношений в поздней Римской империи и уцелевшие обломки античной цивилизации, с другой — новые производительные силы и общественные отношения, которые варвары принесли с собою. Из органического слияния (синтеза) двух начал — римского и варварского — постепенно, в течение трех-четырех столетий, развился в Западной Европе феодализм — способ производства, стоявший ступенью выше античного. Из смешения варваров с населением римских провинций возникли новые национальности. Из варварских государств, созданных на развалинах Римской империи, вышли многие государства современной Европы. К X в. европейские народы, языки, общественное и политическое устройство, материальная и духовная культура — все это стало совершенно новым, не похожим ни на римский, ни на варварский мир.

В этом коренном преобразовании древнего общества в общество средневековое, феодальное, решающая, наиболее активная роль принадлежала варварам. Они, по выражению Энгельса, «вдохнули новую жизненную силу в умирающую Европу». В самой Римской империи не существовало ни одного общественного класса, который оказался бы в состоянии создать вместо рабовладельческого новый способ производства. «Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся»¹. Но античные рабы, ликвидируя рабовладельцев, только расчищали путь для новых хозяев, носителей феодальной эксплуатации.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 412, изд. 11-е.

Чтобы понять, каким образом сделалась возможной победа именно феодального, а не какого-либо иного строя, необходимо ближе познакомиться с самими варварами.

В изображении шовинистической немецкой историографии все варвары, вторгавшиеся в пределы Римской империи и организовавшие здесь свои королевства, принадлежали к германскому племени. Обладая безграничной смелостью, организационными способностями, любовью к свободе, верностью своим вождям и другими достоинствами, присущими якобы одной лишь германской расе, завоеватели наложили печать своего «немецкого национального духа» на всю Европу. Восприняв от античности только христианство, порождение романского духа, они создали «христианско-германский», или, что то же самое, «романо-германский мир», из которого развилось все современное европейское общество и вся современная культура. Разоблачая фальсификации немецкой шовинистической историографии, Энгельс доказал, что «омолодили Европу не их (германцев — *Ред.*) специфические национальные особенности, а просто их варварство, их родовой строй»¹. К этому, при теперешнем состоянии наших знаний, можно еще прибавить, что древние германцы были далеко не единственными варварами, участвовавшими в создании средневековой европейской культуры, и что большинство племен, считавшихся в науке чисто германскими, представляли в действительности самую пеструю этническую смесь.

Так называемые восточные германцы — остготы, вестготы, вандалы и пр., живя в течение долгого времени в соседстве с сарматами, кельтами, славянами, финнами, гуннами, смешивались с ними путем браков, особенно частых между представителями родоплеменной знати. Вандалы при своих вторжениях в Империю и всех передвижениях выступают совместно с негерманским племенем аланов, с которыми они в конце концов окончательно слились. В период вторжения остготов в Италию под этим племенным названием скрывались не только обломки готов, герулов, ругиев и других германских племен, но и сарматы и даже кое-какие гуннские элементы, так как в течение почти 80 лет (375—453 гг.) остготы находились в тесном военно-политическом союзе с гуннами, подчиняясь их руководству. Когда германское племя лангобардов проникло в Италию (с 568 г.), то оно привело туда с собою сарматов, тюркских булгар, славян, которые селились здесь целыми деревнями.

Что касается западных германцев — франков, аламанов, саксов и пр., то и они образовались из смешения разных этнических элементов. Особенно много было в их составе кельтов. Долгое время римляне и греки даже не отличали кельтов от западных германцев. Когда за 100 лет до н. э. на Рим напали кимвры и тевтоны, то римляне приняли их за кельтские племена, хотя тевтоны во всяком случае были германцами. Через 50 лет после этого Юлий Цезарь, касаясь в своих «Записках о галльской войне» племени белгов, не знает, считать ли их кельтами или германцами. Самое слово «германцы» кельтского происхождения. Вообще можно считать вполне установленным, что Германия, страна между Рейном и Вислой, которую римский историк Тацит описал в конце I века н. э., являлась не этнографическим, а только географическим названием. Если на западе этой страны было много кельтов, то на востоке ее, между Вислой и Эльбой, а местами и западнее Эльбы мы уже рано находим многочисленные славянские племена, впоследствии частично растворившиеся среди германцев.

Итак, о расовом единстве древних германцев не может быть и речи.

Так как все племена, вторгавшиеся в Империю, стояли приблизительно на одной ступени культурного развития и очень мало различались

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 132.

Знатный франкский
воин

Германец.
Рис. с колонны
Антония в Риме

Сарматы.
Рис. с колонны Траяна в
Риме

бытом, нравами, внешним видом, то греко-римские писатели предпочитали называть их просто варварами (т. е. неримлянами), нередко даже не указывая, к каким племенам принадлежали эти варвары. Только гунны, появившиеся на исторической сцене около 375 г., поразили их своею дикостью, и они отметили полное несходство этих новых страшных врагов Империи по сравнению со всеми другими варварами.

Гунны, народ азиатского происхождения, по описанию древних, были «дикарями». Они находились в постоянном движении, кочуя с места на место со своими стадами и табунами лошадей. На коне гунны проводили почти всю жизнь. Молоко кобылиц, из которого они изготовляли кумыс, и мясо служили им основной пищей. Сражались они конными, нападая на врага всей массой и осыпая его своими стрелами с острыми костяными наконечниками; затем в ход пускался железный короткий меч. Врагов они устрашали особенно своей внешностью. О страхе, навводимом ими на другие народы, свидетельствует поговорка того времени: «Там, где стало копыто гуннского коня, трава не растет». В последней четверти IV в. гунны подчинили себе племена, населявшие территорию от Волги до Днестра, затем перешли Дунай и перенесли центр огромного, созданного ими союза племен в Паннонию (нынешнюю Венгрию). Во главе их около середины V в. стал знаменитый Атилл, «бич божий», как его называли. Его власть признавали германские, славянские, сарматские и другие племена на обширном пространстве от Северного Кавказа до реки Рейна. Своими походами, невероятно опустошавшими римские провинции, гунны ускорили гибель Империи на Западе. Со смертью Атиллы (453 г.) их племенной союз распался, а они сами были вытеснены обратно в черноморские степи. Часть гуннов растворилась среди населения Западной Европы, но в общем их владычество оставило здесь мало следов.

Несравненно большее значение для дальнейшего исторического развития Западной Европы имели другие перечисленные выше варварские племена. Социальный и политический строй этих племен, их быт и нравы, оказавшие решающее влияние на создание новой феодальной культуры, требуют поэтому более подробного рассмотрения.

В первые века нашей эры различия между кельтами, германцами, славянами, сарматами и т. д. были очень невелики. Уровень культуры, на которой стояли эти племена перед вторжениями в Империю, определялся отнюдь не их этническими особенностями, а скорее характером и длительностью их связей с греко-римским миром, степенью влияния на них античной культуры, что в свою очередь зависело от их географического размещения ближе или дальше от границ Империи. Если мы

сравним описание германцев у Тацита (конец I в.) с описанием сарматского племени алан¹ у Аммиана Марцеллина (конец IV в.), то нас поразит полное сходство в нравах этих племен вплоть до деталей. Особенности древних славян по сравнению с германцами в социальной организации, быте, верованиях и пр., были также несущественными. Поэтому мы вправе дать общую характеристику варварского мира, противостоявшего греко-римскому в первые века н. э.

В хозяйстве почти всех варваров важную и самостоятельную роль играло *скотоводство*. В степных местностях преобладало, наряду с разведением овец и рогатого скота, коневодство, в лесистых — разведение свиней. Кони были наилучшей жертвой, приносимой богам, и мясо их шло в пищу. Конину перестали употреблять в пищу только с IX—X вв., под влиянием христианской церкви, и лишь с этого времени лошадь становится важнейшей тяговой силой в земледелии и в транспорте, постепенно вытесняя из этой сферы быка и корову. Овцы ценились особенно благодаря шерсти, которую варвары превращали в грубую ткань. Крупный скот у варваров, по свидетельству древних, был невзрачен с виду (коровы без рогов), но крепок и вынослив. Скрещивание скота, приведенного варварами в Империю, с местными породами дало, например в Италии, улучшенные породы скота.

Важным дополнением к скотоводству в смысле обеспечения мясом, шкурами и кожей служила *охота*. Шкуры диких зверей служили и одеждой, и постелью. Рубаху и обувь, прикреплявшуюся к ноге ремнями, делали также из кожи домашних животных. Первоначально в связи с охотой стояло также добывание меда диких пчел. Отсюда еще задолго до н. э. у варваров развилось пчеловодство. Из меда изготовляли излюбленный напиток, заменявший варварам вино южных народов. Из рассказа Приска, посла императора к гуннам, узнаем, что при дворе Атиллы пили преимущественно мед. С развитием земледелия на первый план выступает пиво, брага, изготовлявшиеся без хмеля (это растение даже в IX в. было мало известно). Впрочем, варварская знать, особенно в странах, соседивших с Империей, рано пристрастились к вину, которым ее снабжали римские купцы. Чтобы покончить с напитками, отметим, что водка не была известна ни римлянам, ни варварам. Изготовление спирта и водки

Германка.
Рис. с колонны
Антония в Риме

Группа сарматских всадников.
Рис. с колонны Траяна

Иголка из рога и глиняные со-
суды древних германцев

¹ Предки нынешних осетин, живущих на Кавказе, в СССР.

Веретенца из глины, найденные при раскопках в Дрездене и в Франкфурте на Майне

является изобретением арабов в Испании и относится к X—XI вв. Только в XIII в. водка была занесена в Европу, но до XVI в. употреблялась лишь в качестве лекарства (алкоголь — слово арабское).

Земледелие появляется у варваров задолго до их вступления на историческую сцену. В Центральной и Восточной Европе оно существовало уже за 2000 лет до н. э. В частности, славяне были издревле земледельческим народом, пожалуй, даже более земледельческим, чем кельты и германцы. У последних только с I в. н. э. земледелие приобретает большее значение, чем скотоводство и охота. В больших или меньших успехах этой отрасли хозяйства решающую роль играли первоначально природные условия. Борьба с лесом и заболоченными местами была для варваров с их низкой техникой необычайно трудной. Здесь лежит одна из причин непрерывного натиска варваров на Империю, которая их привлекала обилием издавна возделанных, или, как мы бы сказали, — культурных земель.

Техника обработки земли стояла у варваров очень низко. Почву больше царапали, чем взрыхляли, мотыгой или примитивным, близким к мотыге плугом. Удобрение долго оставалось неизвестным. Только в местах соприкосновения с римской культурой (в Галлии, Британии) почву начинают удобрять мергелем — смесью глины, песка и извести — или глубоко взрыхлять ее (на Рейне, на Дунае). Система земледелия была огневой или залежной; землю засевали до ее истощения, затем забрасывали, чтобы она могла восстановить свои силы, и переходили на новый участок. В этом смысле, по мнению Энгельса, разделяемому и многими буржуазными учеными, нужно понимать спорное место у Тацита: «Из года в год, — сообщает он о древних германцах, — они меняют пашню, а земля остается в избытке».

Древнейшие хлебные растения, известные варварам, это просо, полба, овес, ячмень; позже распространяются рожь и, в значительно меньшей степени, пшеница. Зерно размалывалось между жерновами ручной мельницы. Водяная мельница, известная античному миру уже в эпоху поздней Империи, но мало используемая ввиду дешевизны труда рабов, получила широкое применение только после возникновения варварских государств на землях Империи. Помол зерна получался грубый, более похожий на крупу, чем на муку. Поэтому хлеб шел в пищу главным образом в виде каши или киселя, т. е. не столько выпекался, сколько варился с примесью соли, иногда молока или масла. У северных племен для этой цели особенно употреблялся овес, важнейший злак англо-саксов Британии и скандинавов в течение всего средневековья. Огородов и плодовых деревьев, за исключением яблони, германцы и, вероятно, другие варвары почти не знали. Но отдельные огородные растения, например, репа, лук и чеснок, были им хорошо известны и имели широкое распространение. На приверженность варваров к луку и чесноку жаловался уже Сидоний, аристократическое обоняние которого не выдерживало этого запаха. «Счастливы нос, — пишет он, — которому не приходится каждое утро обонять запах лука и чесноку, отрываемый их (варваров) женщинами». Из технических растений уже задолго до начала н. э. варвары знали лен и коноплю, из которых они умели изготавливать ткань.

Накануне вторжений варваров в Империю у них существовало довольно развитое *ремесло*. Так, например, у готов IV в. известны следующие ремесленники: кузнец, плотник, гончар, валяльщик шерсти. Конечно, их ремесленная техника, как и земледельческая, стояла несравненно

ниже, чем у древних культурных народов Средиземноморья. Но, как подчеркивает Энгельс, между II и V вв. были достигнуты в этом отношении огромные успехи. От римлян к варварам перешел гончарный круг, а также стеклянное литье. Металлические изделия, ранее привозившиеся из Империи, в этот период вытесняются изделиями местного изготовления. В украшениях оружия, утвари, одежды уже заметно

Совет варварских вождей.
II в. Рельеф с колонны Марка Аврелия

развитие самостоятельного варварского искусства. На всей территории Европы в погребениях варваров, особенно их вождей, находят в большом количестве запряжки, пряжки, застежки из ценных и простых металлов, бусы из эмалированных глиняных и стеклянных зерен, оружие и сосуды, украшенные геометрическим орнаментом, иногда отделанные камнями граната или красными стекляшками «под гранат». Образцом художественного вкуса варваров и достигнутого ими уровня металлообрабатывающей техники может служить так называемый «клад Атанариха» (вестготского вождя конца IV в.), найденный в Петросоа, на территории нынешней Румынии.

Строительная техника была еще примитивной. Жилища варваров (у кельтов и германцев чаще круглой формы) представляли грубо сделанные из бревен или прутьев, обмазанных глиной, хижины, с единственным отверстием для входа, через которое проникал также свет и воздух, и верхним отверстием для выхода дыма от очага. У племен, ведших полукочевой образ жизни, эти строения легко снимались с места и перевозились на телегах. Пол был земляной, крыша, крытая соломой, хворостом и т. п., служила и потолком. Впрочем, у племенных вождей и знати появляются уже более обширные и сложные по устройству дома. Несколько десятков хижин, разбросанных без всякого порядка, нередко на значительном удалении друг от друга, образовывали деревню. Вблизи жилища вождя обычно возвышалось деревянное строение на столбах, игравшее роль сторожевой башни. На случай опасности несколько деревень имели общее укрепление, городище, защищенное рвом, валом и тыном. Здесь укрывались от врага вместе со скотом и прочим имуществом. Нередко городища являлись и центрами ремесла, торговли, а также культа.

В общем жизнь варваров была скудной, бедной. Самые тяжелые работы по дому и в поле взваливались на женщин и стариков. Мужчины занимались главным образом войной и охотой. В свободное от этих занятий время они отдавались праздности, спали, напивались допьяна, играли в кости. Тацит рассказывает, что, входя в азарт, они проигрывали жен, детей и даже собственную свободу. Таких неудачливых игроков, ставших рабами, продавали на

Сражение римлян с варварами.
II в. Рельеф с колонны Марка Аврелия

Кельтский кувшин с бронзовыми украшениями, отделанными эмалью и кораллами

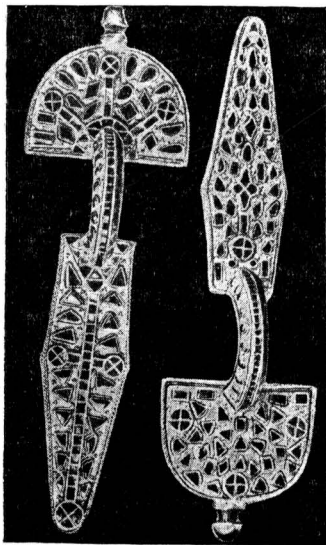
сторону. Главным же источником рабства была, конечно, война. Рабы, а также скот, меха и кожи были важнейшими предметами вывоза в Римскую империю, откуда в обмен шли дорогие ткани, одежды, вино, украшения и римские монеты. Известное значение имела и межплеменная торговля.

Такова материальная основа жизни варваров до и во время их вторжений в Империю. Те или иные особенности отдельных племен или племенных групп (например, что бургунды, вестготы, франки и некоторые кельтские племена отличались длинными волосами, смазанными красной глиной; что вандалы и франки пользовались в бою луками и отравленными стрелами, и т. п.) не имеют существенного значения. Можно лишь отметить, что племена, более затронутые влиянием античной культуры, независимо от их этнической принадлежности, стояли на более высокой ступени варварства, в самой преддверии к классовому обществу. Это сказывалось наиболее ярко в области социальных отношений.

Все варварские племена, известные древним авторам, давно вышли из стадии матриархата (только пережитки его местами еще сохранялись) и находились на различных этапах развития патриархального родового строя.

Развитие торговли, скотоводства, накопление в руках старейшин и военных предводителей рабов и другой военной добычи ускорило процесс расслоения внутри рода и племени, выделение в особую группу наиболее богатых семей родоплеменной знати, из которой постоянной выбираются князья (германские конунги). Князья, а также военные вожди (герцоги), избираемые не по знатности, а по доблести, окружали себя

военной дружиной, которая увеличивала их славу, влияние и политическое могущество. Так как у князей и знатных, в результате военных походов, имелось много рабов и скота, то при распределении общинной земли в пользование они получали большую долю. Рабы, согласно указанию Тацита, эксплуатировались в то время германцами так же, как колонны у римлян, т. е. жили отдельным хозяйством и отдавали прибавочный продукт господину. Параллельно росту экономического и социального могущества знати шло обеднение и социальное принижение части свободных. Такие бедняки неизбежно попадали в зависимость от князей и знати. У кельтов Галлии уже в I в. до н. э., по сообщению Цезаря, некоторые представители знати имели по много тысяч зависимых от них людей, так называемых амбактов. Этим же кельтским словом назывались зависимые у готов. Обычное у германских племен название зависимых — лэты, лацци. У племен, территориально более близких к римским

Золотая застёжка, отделанная гранатами. V в. Из раскопок в Венгрии

границам на Рейне и Дунае, процесс социального расслоения и разложения рода шел быстрее и глубже, так как здесь сказывалось разлагающее влияние рабовладельческой культуры.

Там, где особенно остро начинает чувствоваться имущественное и социальное неравенство или где требовалось усиление военной организации и объединения племен для отпора врагу, появляется королевская власть. Короли выбирались из ограниченного круга наиболее могущественных семейств. Король превосходил всех племенных князей влиянием и силой. При короле быстро падало значение народного собрания, как это было, например, у франков, бургундов, вандалов. Наоборот, у саксов, не знавших королевской власти, родовая демократия, находившая в народном собрании свое основное выражение, оставалась в силе до утраты ими независимости (конец VIII в.).

Короли вне походов не пользовались принудительной властью. При разделе добычи король получал свою долю, наравне с другими воинами, правда, значительно большую по размерам. И целые общины, и отдельные воины, не связанные с королем узами личной верности, могли от него свободно уйти. Королю приносили добровольные дары, принудительные налоги варварам не были известны. Суд оставался, как и прежде, судом общины или племени, с участием в нем всех свободных либо их старейшин. Таким образом, у варваров перед их вторжениями в Империю, отсутствовали существенные признаки государственной принудительной организации и только намечался переход к государству.

В полном соответствии с этой картиной экономического и общественного строя варваров находится и духовная культура. Мировоззрение варварского общества в основном определяется религией, существенные черты которой одинаковы у всех племен: кельты, германцы, славяне поклонялись обожествленным силам и явлениям природы—небу и небесным светилам, ветру, грому и молнии, рекам, озерам, источникам, лесам и т. д. Таранис у кельтов, Тор у германцев, Перун у славян, Перкунас у литовских племен — все это различные обозначения бога грома. Это же божество выступает нередко и под другими наименованиями: Тевтат — у некоторых кельтских племен, Туисто и Тевт — у германских, причем римские писатели сближали его то с Юпитером, то с богом войны Марсом. Точно так же солнечное божество или обычно ему тождественное божество огня, Жара, почиталось под разными именами: Биала — у

Стеклянные кубки из франкских погребений

Глиняный сосуд из германских погребений на Рейне

Кельтская чаша с золотым орнаментом

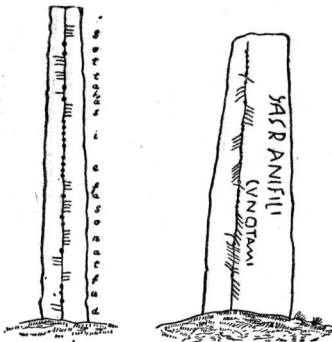
Одежда знатных варваров

главлялся богами Тевтатом, Езусом, Таранисом; у северных германцев — Цию, Воданом (Одином), Тором и богиней брака, любви, плодородия Фрейей, женою Водана; у славян — Дажьбогом, Святovitом, Перуном и пр. Однако этот процесс объединения богов и культов так и не достиг своего завершения. Распространение христианства, нарушение старых межплеменных связей в бурную эпоху переселения народов — все это приостановило дальнейшее развитие языческих религиозных представлений в варварском мире.

Своим главным богам варвары приносили жертвы, нередко человеческие. Особенно обильными человеческие жертвоприношения были у кельтов, которые для умилостивления разгневанного бога солнца, для задабривания бога войны сжигали военнопленных, преступников и рабов целыми десятками. Впрочем от них не отставали и германцы. Франки приносили такие жертвы даже после принятия христианства. Широко практиковались также жертвы скотом и продуктами земледелия.

Для выполнения религиозных обрядов, для связанных с ними гаданий и прорицаний будущего у варваров имелись жрецы, которые, однако, почти нигде не составляли особой касты или сословия. Даже кельтские жрецы — друиды, вопреки распространенному взгляду, не являлись сколько-нибудь значительной силой и не играли в общественной жизни большой роли. Хотя в рассматриваемую эпоху у некоторых племенных групп уже намечаются общие центры культа, появляются храмы и изображения богов (идолы), но жречество не успело создать для себя правильную организацию.

Таким образом, зародышевому состоянию государства у варваров соответствовала слабость религиозной организации, чем была обусловлена впоследствии и сравнительная легкость распространения христианства у племен, приходивших в соприкосновение с Римской империей. Языческие божества еще не успели также сделаться символом и выражением национального единства, которое у всех племенных группировок полностью отсутствовало. Но если христианству легко было опрокинуть почитание «главных богов», недавно только зародившееся, то иначе обстояло дело с местными народными культурами — с почитанием источников, камней, де-

Образцы кельтских рун

ревьев и т. п. Вплоть до XI в., а местами и позже, церковным соборам и королевской власти приходилось бороться с глубоко укоренившимися народными языческими верованиями. Капитулярии франкских королей осуждают как «святотатцев» тех, кто продолжает «зажигать огни у деревьев, камней, источников и молится неодушевленным существам». Приходилось прибегать к таким уловкам, как вывешивание икон на особо почитаемых деревьях или постройка часовен у священных источников, чтобы народ, воздавая поклонение своим старым святилищам, волей-неволей поклонялся и новому христианскому богу.

Не менее укоренившейся у варваров была и вера в души умерших, в добрых и злых духов, домовых, гномов, эльфов, koboldов, охраняющих очаг, стадо, пастбище и поле или вредящих им. К этому распространенному типу мелких божеств относятся феи кельтов, русалки славян, ундины германцев — действующие лица многих народных сказок.

Нужно, наконец, отметить и сохранение у варваров пережитков древнейших религиозных представлений (тотемизма), находивших свое выражение в сказаниях о превращении богов или людей в животных. Сюда же относится, например, необычайная распространенность у некоторых племен таких собственных имен, как волк, кабан, медведь, ворон и т. д. и их производных.

У варваров существовали не только сказания о богах и животных и мифы о сотворении мира, принадлежащие к числу наиболее ранних произведений народного творчества, но и песни о подвигах героев и племенных вождей. Так, например, Тацит упоминает о песнях, сложенных в честь вождя херусков Арминия, победителя римлян в Тевтобургском лесу (9 г. н. э.). Все эти песни погибли, не будучи записаны. Представление об их характере дает дошедший до нас отрывок песни о Гильдебранде, записанной около 800 г. Элементы древнейших мифов и героических песен легли в основу скандинавского эпоса, так называемой Эдды, тексты которой были сложены около X в., а записаны вероятно в XII в. Но эти тексты носят уже следы влияния христианства.

Современная запись народного эпоса была невозможна хотя бы потому, что варвары еще не знали письменности. У них имелись только зародыши письма в виде значков, которые они вырезали на дереве или на камнях. У ирландских кельтов эти значки назывались «огами», у германцев «рунами», у славян — «резами». Когда Ульфилла, насаждавший в IV в. христианство среди готов, перевел библию на готский язык, то он воспользовался наряду с латинским алфавитом и рунами. Точно так же поступили в IX в. и христианизаторы славянских племен, Кирилл и Мефодий, с славянскими рунами — «резами».

Итак, какие бы стороны культуры варваров мы ни взяли, все находится в зародыше или на начальных стадиях развития. Между II и V вв. прогрессирует техника, ремесло, искусство, усложняется строение общества, родовые отношения отступают перед зарождающимися классовыми отношениями, возникают более крупные объединения или союзы племен, как бы подготавливающие переход к государству; параллельно этому идет процесс слияния культов, их сосредоточения вокруг нескольких божеств, приобретающих межплеменной или надплеменной характер. Этой картине жизни, хотя и грубой и бедной, но имеющей все задатки дальнейшего развития, противостоит мир высокой культуры, но мир, в котором развитие прекратилось, в котором во всех сферах жизни замечается застой и гниение, — разлагающийся мир древней рабовладельческой цивилизации. Поэтому неудивительно, что вторжение варваров в Империю на первых порах способствовало не столько цивилизации варварского общества, сколько варваризации римского общества.